

Сталинский социализм, технократия, неосоветизм: РФ как продукт естественной эволюции коммунистической системы

The study is based on theoretical and methodological developments by Vasilii Shulgin (Василий Шульгин), and Sovietologists Abdurakhman Avtorkhanov (Абдурахман Авторханов) and Roman Redlich (Роман Редlich). The modern Russian political system is an organic and evolutionary phase in the development of the Soviet system. The state model was formed after the rejection of the policy of war communism and the transition to a New economic policy (NEP), in general, contained all the features that the state system of the RSFSR-USSR-RF (Russian Federation) has.

The process of evolutionary transformation of the Soviet state, the formation of its classical (Stalinist) form and subsequent “liberalization” can be described as a process of de-ideologization of the state-party system, in which four stages. The first stage, Stalin’s in the 1920s, the second, Khrushchev’s, in the 1960s, the third, Brezhnev’s, in the 1970-80s, and the fourth, Gorbachev- Yeltsin’s.

At the same time, as the official Marxist-Leninist ideology weakened, the idea of technocracy was formed and strengthened among the Soviet intelligentsia. The concept of technocratic governance is, in essence, a form of transformation of Soviet consciousness and Soviet thinking, which rejected orthodox communism. It is significant that these ideas were popular and in demand both among anti-Soviet emigrants from the USSR during the Second World War, and within the Soviet Union. In the USSR, they, in particular, gave rise to the movement of “methodologists” of Georgiy Shchedrovitsky, who had a significant impact on the ruling circles of V. Putin’s time.

Historically, technocracy was an alternative and even a political antagonist to Marxist-Leninist ideology. If the bearer of Marxism-Leninism was the ruling class (the apparatus of power), then technocracy was the banner of the Soviet, but at the same time oppositional, intelligentsia. As deideologization occurs, these two worldviews are converging: “Perestroika” and “transition to democracy” were not an “anti-communist revolution”. This was another form of transformation of the Soviet system, predicted by V. Shulgin “Neo-Brest” and “Neo-NEP” (new liberalization, like at “new economical policy” time). The composition of the governing layer remained mostly unchanged: Soviet. At the same time, technocracy, along with abstract patriotism, emerged as the de facto official state ideology.

These forces combined to establish the neo-Soviet system. Neo-Sovietism is the natural result of the Soviet state's evolution, which began in 1921 and continues to this day.

Key words: Russia, history, Neo-Sovietism, Vasily Shulgin, Abdurakhman Avtorkhanov, Roman Redlich,

Проблема преемственности существующей в сегодняшней России политической системы от советского социализма по-прежнему остается одной из самых актуальных проблем современной политической и исторической науки. И хотя эти вопросы разрабатываются сравнительно давно, на сегодняшний день едва ли можно утверждать, что эта проблема не только исчерпана, но и вообще в достаточной мере описана. В настоящей статье, методологически опирающейся на теоретические наработки Василия Шульгина, советологов Романа Редлиха и Абдурахмана Авторханова, а также на исторические и социологические исследования Сергея Волкова, дается краткий обзор идеологической эволюции советской системы, идущей параллельно с развитием в среде советской интеллигенции концепта технократии. Своеобразная стыковка двух этих мировоззренческих потоков, произошедшая в 1980-х годах, и породила феномен неосоветизма, который, в свою очередь, породил неосоветский реваншизм и нынешнюю военную агрессию РФ.

Специфика советской системы заключалась в том, что по сути своей она предполагала радикальный и противоестественный эксперимент практически во всех сферах человеческой жизни, начиная от экономических отношений и заканчивая религией, моралью, браком и семьей. Подобная цель, в свою очередь, требовала достаточной мощности инструмента, который мог бы проводить такую всестороннюю вивисекцию. Примечательно, что все эти факты признавали сами большевики. Лев Троцкий, описывая развития «буржуазной» и коммунистической революции, подчеркивает, что если первая, высвободив рыночные отношения, могла развиваться сама по себе, без прямого государственного вмешательства, то для коммунистической революции наличие собственного государственного аппарата необходимо:

«После глубокой демократической революции, освобождающей крестьян от крепостного права и наделяющей их землей, феодальная контрреволюция вообще невозможна... Буржуазные отношения, раз освободившись от феодальных пут, развиваются автоматически. Остановить их не может уже никакая внешняя сила...

Совсем иначе обстоит дело с развитием социалистических отношений. Пролетарская революция не только освобождает производительные силы из пут частной собственности, но и передает их в непосредственное распоряжение порожденному ею же государству. В то время, как буржуазное государство после революции ограничивается полицейской ролью, предоставляя рынок своим собственным законам, рабочее государство выступает в прямой роли хозяина-

*организатора. Смена одного политического режима другим оказывает на рыночное хозяйство лишь косвенное и поверхностное воздействие. Наоборот, замена рабочего правительства буржуазным или мелкобуржуазным неминуемо повела бы к ликвидации планового начала, а в дальнейшем и к восстановлению частной собственности. В отличие от капитализма социализм строится не автоматически, а сознательно. Продвижение к социализму неотделимо от государственной власти, которая хочет социализма или вынуждена его хотеть».*¹

Надо признать, что эта мысль не была нова: коммунистические теоретики в период военного коммунизма столкнулись с тем, что новое большевицкое государство, вместо того, чтобы скоростно «отмирать» (как предписывал Ленин в своем памфлете «Государство и революция»²), начало наоборот, стремительно развиваться и принимать тоталитарные формы. Программа РКП(б) 1919 года дала этому следующее объяснение:

*«В эпоху начавшегося обобществления экспропрированных у капиталистов средств производства государственная власть перестает быть паразитическим аппаратом, стоящим над производственным процессом; она начинает превращаться в организацию, непосредственно выполняющую функции управления экономикой страны...».*³

До логического завершения эту идею довел уже Сталин в 1933 году, сформулировав свой известный парадокс:

*«Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено».*⁴

Очевидно, что сами коммунистические лидеры и теоретики — причем, что примечательно, даже находившиеся в противоположных лагерях и уже будучи смертельными врагами — признавали, что победа коммунистической революции есть не что иное, как торжество коммунистического тоталитарного государственного аппарата, который они также обозначили очень точным термином «аппарат власти».

Причины этого вполне очевидны. Большевицкая партия изначально формировалась как секта — замкнутое сообщество со своей специфической системой ценностей, враждебное окружающему миру и имеющее своей целью радикальную насильственную трансформацию социума. Следовательно, необходимым условием было создание соответствующей политической организации — революционной партии (или партии профессиональных революционеров) в период борьбы за власть,

1 Троцкий Лев, «Рабочее государство, термидор и бонапартизм». <https://archive.md/Wbvb3> [Проверено 10 июля 2024]

2 Ульянов (Ленин), Владимир, «Государство и революция». <https://archive.md/hCp5x> [Проверено 10 июля 2024]

3 Программа Российской коммунистической партии (большевиков). 1919 год. <https://archive.md/FfnkW> [Проверено 10 июля 2024]

4 Джугашвили (Сталин), Иосиф. «Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. <https://archive.md/5lkxw> [Проверено 10 июля 2024]

а после победы — организации, которая будет осуществлять всеохватное господство над обществом (тот самый аппарат власти).

Само по себе формирование управленческой бюрократии не является чем-то невиданным и в принципе дурным: так или иначе, она была и будет необходимой составляющей любой государственности. Однако коммунистический «аппарат» имел ряд специфических отличий:

- 1) Изначально он создавался для реализации задач политической секты, которая ставила своей целью ниспровержение институтов семьи, частной собственности, национальной государственности и организованной религии.⁵
- 2) Средством достижения этих целей являлось неограниченное насилие (диктатура и террор — причем приверженность этим средством декларировалась открыто и официально).
- 3) Идеологический догмат коммунизма предписывал продвигать во власть представителей социальных низов — пролетариата.
- 4) Уничтожение основополагающих институтов — несущих конструкций любого здорового социума — делало невозможным участие в проекте представителей старой элиты и интеллигенции (по крайней мере, участие массовое и добровольное).
- 5) Следовательно, при формировании аппарата власти кадровым ресурсом становились либо криминальные и антисоциальные элементы, либо представители исторически сложивших групп (например, тех или иных этнических меньшинств), которые были радикально враждебны управляемому обществу. (Ввиду обширности и политической деликатности этой темы, она требует специального обзора, который в рамках этой статьи невозможен.)

При этом полностью отказаться от услуг старой интеллигенции и научной элиты было все-таки невозможно. Это породило в первые же месяцы большевизмского господства феномен «бурспецов» - буржуазных специалистов, которые должны были работать на новую власть под присмотром специальных надсмотрщиков — комиссаров.

Изначально предполагалось, что институт «спецов» окажется временным явлением — до той поры, пока не вырастет «пролетарская» интеллигенция и, далее, вообще не сотрется разница между физическим и интеллектуальным трудом. В частности, именно эти функции должен был выполнять Институт красной профессуры, описанный в мемуарах А. Авторханова, который сам был его студентом.⁶

5 Маркс Карл, Энгельс Фридрих, «Манифест коммунистической партии». <https://archive.md/vDgUB> [Проверено 10 июля 2024]

6 Авторханов Абдурахман, «Технология власти». «Посев»: Франкфурт-на-Майне. 1983. С. 41-302.

Однако такой трансформации не произошло, и новая советская интеллигенция и полуинтеллигенция стали проявлять в общем те же свойства, что и интеллигенция дореволюционная. Краткую и исчерпывающую характеристику этой ситуации дал Иван Солоневич: *«Истребление «буржуазной интеллигенции» было поставлено в таких масштабах, что когда «план» при содействии доблестных активистских челястей был выполнен, то оказалось, что почти никого и не осталось. А новая советская, пролетарская и т.д. интеллигенция оказалась еще более контрреволюционной, чем была старая интеллигенция и менее грамотной технически и орфографически, чем была старая даже полуинтеллигенция»*.⁷

По этой причине, социальная ниша интеллигенции осталась принципиально неизменной: это позиция «спецов», социального аппендикса, который аппарат власти хотел бы отсечь, но вынужден терпеть. До известной степени, этот статус-кво был даже официально признан и закреплен: интеллигенцию признали не отдельным «классом», а «прослойкой», которая в своей «трудовой» инкарнации является придатком «рабочего класса», обладающего «руководящей ролью».

В результате, социальная структура советского общества сформировалась в виде иерархии, где в качестве правящей корпорации выступает коммунистический аппарат власти (советско-партийные органы), большая часть общества является безправной и подчиненной — ресурс «народных масс», а в роли мастеровых-интеллектуалов выступает цех «спецов» - интеллигенция. Именно в рамках этого треугольника (1) аппарат власти — 2) интеллигенция-спецы — 3) «народ» в виде безправной «массы») и происходили все основные социальные, политические и идейно-мировоззренческие процессы советского социума.

Аппарат власти против политической секты: первый этап деидеологизации системы

Изначально аппарат власти должен был выполнять служебную функцию — функцию инструмента, которым оперирует тоталитарная политическая секта большевиков. Однако очень скоро выяснилось, что объективное социально-политическое развитие тоталитарной системы, «организации по управлению народным хозяйством», совмещенной с машиной тотального террора, ведет к тому, что госаппарат, созданный большевизмской партией профессиональных революционеров, неизбежно эту партию поглощает и уничтожает. Ленин предвидел эту опасность, но не только не преодолел ее в реальности, но и в теории придумать ничего мало-мальски эффективного не смог. (Яркий пример его творческой и управленческой импотенции — посвященные этой проблеме статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин?» и «Лучше

7 Солоневич Иван, «Россия в концлагере», <https://harbin.lv/storage/Библиотека/Художественная%20литература/Иван%20Солоневич%20-%20Россия%20в%20концлагере.pdf> [Проверено 10 июля 2024]

меньше, да лучше».⁸⁾ Победа Сталина — генерального секретаря, то есть главного аппаратного руководителя — являлась вполне закономерной: на смену тоталитарной террористической секте неизбежно должна была прийти тоталитарная бюрократия.

Следовательно, именно в 1920-е годы мы можем выявить первый этап деидеологизации советской системы. На этой стадии аппарат власти — тоталитарная корпорация профессиональных управленцев — захватывает власть. Происходит то, что Троцкий характеризовал сначала как «термидор», а потом как «бонапартизм»,⁹ и что в действительности явилось подлинным становлением сталинского социализма — советской системы, или советизма. Понятие «советский» мы применяем именно к этой системе, вне связи с утопическими концепциями ранней большевизской публицистики, или же публицистики современных левых. Правомерность такого подхода определяется исторической реальностью: именно эта система победила и утвердилась сначала в покоренных коммунистами российских землях, а потом была экспортирована во многие другие государства.

В этот период идеологические ярлычки (троцкист-бухаринец и т.д.) превращаются не более, чем в символ принадлежности к той или иной аппаратной группировке. Идеино-политическое содержание из этих понятий к 1930-м годам вымывается почти полностью — по той простой причине, что Сталин сначала ведет борьбу против Троцкого, опираясь на идеи и личную поддержку Бухарина, а потом уничтожает Бухарина, используя программу Троцкого (но уже без указания первоисточника).¹⁰ В этой ситуации неизбежно возникало очень мелкое селекционное сито, пропускавшее только лично лояльных Сталину управленцев, готовых в любой момент менять свои идеологические знамена.

Здесь начинается четкое разделение, по Роману Редлиху, большевизской идеологии на два уровня: внешний — фикцию для всего мира и собственных «масс», в которой многообразные «измы», вкупе со шпионами, империалистами и вредителями, могут меняться с калейдоскопической хаотичностью и быстротой, и внутренний уровень, который сводится к чистой борьбе за чистую власть.¹¹

При этом, вполне в духе ленинской «диалектики», период начальной деидеологизации коммунистического аппарата власти и зачистки тоталитарной секты старых большевиков совпадает с укреплением социалистических тенденций в советском государстве. Причины этого, по степени их значимости, выстраиваются в следующей последовательности:

1) для старых большевиков — профессиональных революционеров, «новая

8 Солоневич Иван, «Россия в концлагере», <https://harbin.lv/storage/Библиотека/Художественная%20литература/Иван%20Солоневич%20-%20Россия%20в%20концлагере.pdf> [Проверено 10 июля 2024]

9 Троцкий Л., Указ. сочин. <https://archive.md/Wbvb3>

10 Авторханов А., Указ. сочин. С. 319-354.

11 Редлих Роман, «Очерки большевизмоведения». Париж: 1970. С. 37-45.

экономическая политика» (НЭп) вполне могла быть приемлемым временным решением. Они лично не теряли ни во власти, ни в материальных благах, но при этом не могли не видеть, что хотя бы частичный возврат к частной собственности и рыночной экономике помогает выбраться из той катастрофы, в которую сверж России военный коммунизм.

А вот большевизский аппарат власти сверху донизу создавался именно для нужд централизованного планирования, управления и, конечно же, террора. Вне социализма оный аппарат был не только не нужен, но даже и вреден. Важно и очень характерно, что именно период НЭпа был также временем острейшей безработицы среди «советских служащих», то есть коммунистических аппаратчиков.¹² Поэтому ускоренное «построение социализма» было для всей этой аппаратной армии вопросом выживания и сохранения своего господствующего положения.

2) Идеинная мотивация лично Сталина. Очевидно, что «вождь и учитель» до самой смерти сохранял вполне искреннюю веру в социализм, коммунизм и мировую революцию. И, в стратегическом отношении, именно этой задаче подчинял все остальное (не стоит забывать, что он и сам был ярким представителем той самой секты старых большевиков, которых в свой час ему пришлось истреблять).

3) Идеологическая индоктринация аппарата власти. Так или иначе, все его функционеры получали образование в рамках коммунистической системы, и потому окружающую реальность воспринимали через призму марксистско-ленинской фикции. Поэтому любая попытка теоретического или научного поиска была для них так или иначе ограничена коммунистическими догматами.

Второй этап деидеологизации: хрущевское фиаско

Следующий этап развития советской системы — и ее деидеологизации — связан с объективными тенденциями внутри аппарата власти, появлением ядерного оружия и, наконец, со смертью Сталина.

Историк Александр Гогун отмечает, что в 1951 году разрабатывались подробные планы вторжения в Западную Европу. И в этом новом большевизском походе, под руководством Советского Союза, должны были также участвовать восточноевропейские «народные демократии». Кроме того, вполне обосновано предполагалось, что эта агрессия будет сопряжена с войной против Соединенных Штатов и Великобритании, в которой примет участие еще и коммунистический Китай.¹³

12 «Лица интеллигентного труда», в число которых наряду с врачами и педагогами, включали также «советских служащих», могли составлять в годы НЭпа до 1/3 безработных — только по данным бирж труда, без учета скрытой безработицы. Источник: Бухаренкова Ольга, «Государственная политика по ликвидации безработицы в годы НЭПа». Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: 2008. С. 17. <https://www.disscat.com/content/gosudarstvennaya-politika-po-likvidatsii-bezrabotitsy-v-gody-nepa> [Проверено 10 июля 2024]

13 Гогун Александр, «Термоядерная революция. Как Сталин мечтал о Третьей мировой войне». <https://archive.md/O6as0> [Проверено 10 июля 2024]

С учетом того, что США и Британия уже де-факто находились в состоянии войны с КНР, хотя и ограничивавшейся пределами Корейского полуострова, риск дальнейшей эскалации был очень высок, а многим представлялся практически неизбежным. И тут первую передышку обеспечила смерть Сталина.

В целом точно масштаб и смысл этой смерти оценил Иван Солоневич: *«В лице Сталина ушел, кажется, последний настоящий социалист, твердо веровавший в «общность» и ВЧК. Ушел — по Есенину — «черный, черный, черный человек», но человек чудовищного калибра. Наследников у него нет. Есть только фремишки... Власть ослабела. Ее кристаллизационный пункт, ее символ ушел с исторической арене»*.¹⁴

Смерть Сталина неизбежно высвобождала подавляемые террором естественные инстинкты аппарата власти — в первую очередь, инстинкт самосохранения. Цель одного аппарата — не только получить и удержать власть, но и «пользоваться» ею. (То есть получать прямую и личную выгоду.) И первым шагом к такому «пользованию» является резкое снижение градуса террора, по крайней мере, в отношении членов аппаратной корпорации.

Вторым важным элементом стало появление ядерного оружия. У СССР в начале 1950-х годов были все основания полагать, что по «обычным» вооружениям он может обеспечить превосходство над всеми своими потенциальными врагами — превосходство не качественное, но количественное. Что же касается людского ресурса, то, поскольку отношения Москвы и Пекина тогда были союзническими, соцлагерь и вовсе становился однозначным лидером.

Однако ядерное оружие (где у США было очевидное превосходство) не только выровняло шансы, но и явно склонило чашу весов на сторону американцев и их союзников. Мировая революция в форме третьей мировой войны превращалась в крайне рискованное предприятие. Тем более, что опыт только что закончившейся Второй мировой очень ясно показал властям СССР: рассчитывать на поголовную лояльность подсоветского населения им никак не приходится.

Сочетание этих факторов породило хрущевское правление. На начальном этапе, именно Хрущев идеально реализовал запросы аппарата власти:

- 1) резко снизил уровень репрессий, избавив правящий слой от вечного страха перед «воронками» и расстрельными подвалами;
- 2) сумел сохранить партийную монополию на власть, последовательно нейтрализовав лидеров спецслужб и карательных органов (Берию), и лидеров армейских (в первую очередь, Жукова);
- 3) во внешней политике выдвинул концепцию мирного сосуществования, которое теперь воспринималось не как временная передышка, а как сравнительно длинный период истории, причем победа социализма

должна была достигаться по возможности мирным и «демократическим» путем.

Однако все эти шаги, объективно совпадая с устремлениями аппарата власти, также подрывали основы идеологической фикции — официального марксизма-ленинизма. Фактический отказ от идеологии мировой революции как военного столкновения «классовых противников», заменявшийся некоей «конкуренцией систем», явственно отдавал социал-демократией, меньшевизмом и прочими соглашательскими грехами. (И тут нельзя не признать, что Мао Цзэдун и его последователи называли Хрущева ревизионистом вполне обосновано.)¹⁵ В этих условиях, руководство СССР предприняло последнюю попытку укрепления идеологической фикции на основе коммунистической идеологии, провозгласив «возврат к ленинским нормам» и пообещав построить в Советском Союзе «основы коммунизма» к 1980 году.

При этом сами эти основы были крайне далеки от того, что подразумевалось под коммунизмом анархистами вроде Кропоткина, или же Лениным. В программе КПСС 1961 года речи нет ни об упразднении государства как «аппарата насилия», ни даже об отмене товарно-денежных отношений. Говорится лишь о «невиданном» росте «материальных и культурных благ», который должен произойти в ближайшие двадцать лет. Кроме того, было обещано, что «полностью бесплатным» станет жилье, коммунальные услуги, а также «*пользование коммунальным транспортом (трамвай, автобус, троллейбус, метро)*».¹⁶

По сути речь шла о социально-экономической системе, похожей на ту, которая была выстроена в Северной Корее Ким Ир Сенем к 1980-м годам: когда все основные материальные ресурсы и прочие блага распределяются (номинально являясь «бесплатными»), а деньги хоть и остаются, но их роль становится во многом минимальной и символической. Единственное отличие заключается в том, что хрущевский СССР при этом почему-то должен был пережить невиданное материальное и культурное изобилие, которого в кимирсеновской Северной Корее никогда и близко не наблюдалось.

Очевидно, что новое издание «коммунистического рая», где этот рай, начинавшийся в 1917 году обещаниями абсолютной свободы и абсолютного изобилия, а теперь сводился к бесплатным столовым и отмене платежей за газ и электричество, выглядело откровенно нищенски. Но, тем не менее, это была хоть и усеченная и заниженная, но — коммунистическая идея. Которая еще сохраняла определенную привлекательность для внешнего мира, и могла выполнять идейно-мотивирующую функцию внутри Советского Союза. Эту стадию можно охарактеризовать как **второй**

¹⁵ См., например: «О хрущевском псевдокоммунизме и его всемирно-историческом уроке». Редакция газеты «Жэнминь жибао», 14 июля 1964 года. <https://archive.ph/8ytFD> [Проверено 10 июля 2024]

¹⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961 г. <https://archive.ph/YOgyQ> [Проверено 10 июля 2024]

¹⁴ Солоневич И., «Отец по наследству». «Наша страна», №172 от 2 мая 1953 г. С. 2. https://harbin.lv/storage/Media%20Emg/Nasha_strana/NS_172_online.pdf [Проверено 10 июля 2024]

этап деидеологизации советской системы. В это время оболочка марксистско-ленинской фикции еще держится и даже сохраняет статус единственного и ведущего идеологического знамени, однако разрыв между реальными целями правящего слоя и идеологической фикцией становится очевидным и непреодолимым.

Политическое уничтожение Хрущева также выявило важное базовое противоречие, присутствующее в природе советского аппарата власти. С одной стороны, стремление к снижению репрессий и закрепление за собой властного и материального ресурса, толкает этот аппарат на путь либерализации и реформ. С другой стороны, либерализация и реформы постепенно превращают социально-экономический ландшафт в среду, органически враждебную советскому аппарату власти. Именно этим объясняется цикличность в развитии советского и несоветского социума, впервые выявленная Василием Витальевичем Шульгиным (которую мы рассмотрим несколько подробнее ниже). И именно эта объективная закономерность сделала неизбежным низвержение Хрущева.

Пытаясь найти выход из очевидного тупика, он начал действовать в том же направлении, в каком, в свое время, хотел двигаться Ленин: бороться с «бюрократизмом» авторитарными методами и при этом экспериментировать с «советской демократией», размывая монополию партийно-государственного аппарата на власть.

Однако в советской системе аппарат власти создает «мудрых вождей», но не наоборот. Как впоследствии писал об этом А. Авторханов: *«Коммунистический диктатор может не считаться с Президиумом ЦК и не созывать пленумы ЦК и съезды партии, и с ним ничего не случится, пока он опирается на Секретариат ЦК, но если он начал действовать через голову Секретариата ЦК, — он уже погиб. Секретариат ЦК непосредственно управляет партией, политической полицией и вооруженными силами. Величие власти первого секретаря в том и заключается, что он — глава этого всемогущего учреждения. Но Хрущев игнорировал не только Секретариат ЦК, но и тех, кто его, собственно, сделал Хрущевым: Микояна и Суслова»*.¹⁷

До тех пор, пока Хрущев действовал в интересах этого аппарата лучше всех, он быстро поднимался ввысь, заняв первую позицию в СССР. Как только он начал действовать в обратном направлении — почетно-позорная пенсия стала неизбежной.

Третий этап деидеологизации: советский патриотизм Брежнева

Брежневское правление ознаменовало качественно новый этап, когда в сфере идеологической фикции не предлагалось каких-либо новаций ни радикального, ни либерального направления. Вместо этого, правящий слой СССР делает ставку на абстрактный патриотизм, сознательно формируя и развивая культ «великой отечественной войны». Именно он становится основой легитимности

¹⁷ Авторханов А., Указ. сочин. С. 711.

советской системы, которая теперь выступает в качестве спасительницы мира от универсального зла — фашизма. Коммунистический идеализм, накал которого резко спал, компенсируется за счет концепта своеобразного фронтового братства (благо, фронтовиков было много, и они присутствовали во всех социальных слоях и группах).

Характерно, что именно при Брежневе начинается быстрый упадок мирового коммунистического движения, ориентированного на Москву. Компартии, которые сохраняли реальное политическое влияние, в это время переориентируются на так называемый еврокоммунизм, либо же переключаются на маоистский Пекин. (Первое характерно для Европы, второе — для Африки, Азии и Латинской Америки).¹⁸

При этом фактическая деидеологизация сопровождалась нарочитым красным консерватизмом и ресталинизацией: Сталин снова становится в основном положительным героем официальной пропаганды, причем теперь упор делается на его «заслугах» в качестве верховного главнокомандующего в период советско-германской войны. Здесь также очевидно проявление базового противоречия социально-политической природы аппарата власти: с одной стороны, он тянется к сталинскому социализму, как к своей естественной среде («вынужден хотеть», по весьма точному выражению Троцкого), с другой — тяготеет к идеологической фикцией и пытается максимально уйти от любого контроля и, тем более, репрессий.

Примечательно также, что именно в брежневские времена в номенклатурной среде не только расцветает коррупция, но и появляются некоторые зачатки демонстративного потребления. Тогда же в правящем слое начинают формироваться первые династии, и в целом в государстве идет блокировка социальных лифтов: правящий слой не только стремится все активнее «пользоваться» имеющимися благами, но и пытается их передавать по наследству.

Это время можно охарактеризовать как **третий этап деидеологизации** советской системы — когда правящий слой отказывается от каких-либо попыток оживления и развития марксистско-ленинской идеологической фикции, компенсируя возникающий недостаток легитимности абстрактным патриотизмом. Однако правильно оценить последующее развитие этого процесса невозможно без учета идеи технократического правления, которая получила широкое распространение в среде советской интеллигенции не позднее 1930-х годов, и которая всегда присутствовала в советском социуме — пока, наконец, не вырвалась на оперативный простор в конце 1980-х годов.

Технократия: мечта о «правильном» советском государстве

¹⁸ Сравнительно подробно этот процесс, происходивший в 1970–80-х годах, описан в дневниках многолетнего сотрудника международного отдела ЦК КПСС Анатолия Черняева. Источник: Черняев Анатолий, «Совместный исход: Дневник двух эпох, 1972–1991 годы». Москва: РОССПЭН, 2010.

Активная работа большевизского правительства по формированию «пролетарской», то есть уже полностью советской, интеллигенции, породила во многом парадоксальный результат. Доступ к высшему образованию получали именно те представители молодежи, которые считались по всем показателям наиболее лояльными. Все их интеллектуальное и культурное развитие протекало в марксистско-ленинской системе координат, альтернативных источников информации они почти не имели, а их представления о мире вне СССР были подчас откровенно дикарскими. Влияние тоталитарной системы сказывалось на мировоззрении как вполне преданных коммунистическому режиму молодых людей, так и на мышлении радикальных оппозиционеров. Весьма примечательны свидетельства современников о тогдашнем интеллектуальном и культурном развитии молодежи. Так, писатель и литературовед Корней Чуковский, вполне лояльный советскому государству, писал в 1930 году:

«Нынче именно потому-то в упадке литература, что нет никакого спроса на самобытность, изобретательность, словесную прелесть, яркость. Ценят только штампы, требуют только штампов, для каждого явления жизни даны готовые формулы; но эти штампы и формулы так великопепны, что их повторение никому не надоедает. Мне говорил сейчас один профессор химии (из Эривани): «У меня двести студентов, и нет ни одного самостоятельно мыслящего»... Здесь собралось много такой молодежи, и она мне очень симпатична, потому что искренне горяча и деятельна, но вся она сплошная, один как другой...»¹⁹

И. Солоневич — идейный и непримиримый противник коммунистической системы, будучи в концлагере, имел уникальную возможность сравнительно откровенно общаться с теми представителями молодежи, которые получили советское воспитание и образование, но при этом проделали серьезную политическую эволюцию, превратившись в радикальных врагов сталинского режим (достаточно сказать, что в большинстве они были осуждены за террор, то есть за участие в вооруженном сопротивлении; и отнюдь не всегда эти обвинения были голословными). Их культурное развитие Солоневич описывает следующим образом:

«...Время от времени приходил ко мне какой-нибудь питерский студент или бывший комсомолец московского завода АМО за каким-нибудь фактическими справками. Например, существует ли в Европе легальная коммунистическая печать?»

- Да вы возьмите «Правду» и почитайте. Там есть и цитаты из коммунистической печати и цифры коммунистических депутатов в буржуазных парламентах.

- Так-то так, да ведь это все по подпольной линии.

Или:

- Правда ли, что при старом строе был такой порядок: если рабочий сидит в трамвае, а входит буржуй, так рабочий должен был встать и уступить свое место?»

Такие вопросы задавались преимущественно со стороны бывших низовых комсомольцев,

¹⁹ Чуковский Корней, «Дневник. 1930-1969». Москва: Современный писатель, 1994. С. 62.

комсомольцев от станка. Со стороны публики более квалифицированной и вопросы были более сложные, например, по поводу мирового экономического кризиса. Большинство молодежи убеждено, что никакого кризиса вообще нет. Раз об этом пишет советская печать, значит врет. Ну, перебои, конечно, могут быть - вот наши все это и раздувают. Или: была ли в России конституция? ... Не на все эти вопросы я рисковал исчерпывающими ответами. Все это были очень толковые ребята, ребята с ясными мозгами, но с чудовищным невежеством в истории России и мира. И все они, как и молодежь на воле, находились в периоде бурлений и исканий»²⁰.

По Солоневичу, эта среда делилась на два основных лагеря: тех, кто так или иначе признавал возможность сохранения советской системы и коммунистической партии (пусть и в обновленном виде), и тех, кто радикально отвергал существовавший режим сталинского социализма. И если политические установки первых более-менее очевидны, то радикально антисоветское течение порождало, в основном, следующие идеи:

«Вся молодежь, почти без всякого исключения, совершенно индифферентна к каким бы то ни было религиозным вопросам. Это никак не воинствующее безбожие, а просто безразличие - может быть, это кому-нибудь и надо, а нам решительно ни к чему. В этом пункте антирелигиозная пропаганда большевиков сделала свое дело, хотя враждебности к религии внушить не смогла. Монархических настроений нет никаких. О старой России представление весьма сумбурное, создавшееся не без влияния советского варианта русской истории. Но если на религиозные темы с молодежью и говорить не стоит, выслушают уважительно и даже возражать не будут, то о царе поговорить можно: да, технически это, может быть, не так плохо. К капитализму отношение в общем неопределенное. С одной стороны, теперь-то уж ясно, что без капиталистов, частного хозяина не обойтись, а с другой - как же так, строили заводы на своих костях? Каждая группировка имеет свои программы регулирования капитализма. Среди этих программ есть и не безынтересные. В среднем можно сказать бы, что оторванная от всего мира, лишенная всякого руководства со стороны старших, не имеющая никакого доступа к маломальски объективной политико-экономической литературе, русская молодежь нащупывает какие-то будущие компромиссы между государственным и частным хозяйством. Ход мышления чисто экономический и технический, земной, если хотите, то даже и ищурный. Никаких «вечных» вопросов и никаких потусторонних тем. И за всем этим - большая и хорошая любовь к своей стране. Это, вероятно и будет то, что в эмиграции называется термином «национальное возрождение». Но термин «национальный» будет для этой молодежи непонятным термином или, пожалуй, хуже, двусмысленным термином, в нем будет заподозрено то, что у нас когда-то называлось зоологическим национализмом - противопоставление одной из российских национальностей другим»²¹.

Именно в этих исканиях культурно ограниченной, изуродованной тоталитарной пропагандой подсоветской молодежи и зарождался тот комплекс идей, который, в

²⁰ Солоневич Иван, «Россия в концлагере». <https://harbin.lv/storage/Библиотека/Художественная%20литература/Иван%20Солоневич%20-%20Россия%20в%20концлагере.pdf> [Проверено 10 июля 2024]

²¹ Солоневич И., Указ. сочин.

итоге, вылился в концепт советской технократии. Учитывая важность и уникальность свидетельств И. Солоневича, позволим себе привести здесь еще одну обширную цитату (диалог с одним из участников «террористической» организации):

«- Ухлопав Сталина, что вы будете делать дальше? И почему именно будете делать вы, а не кто-нибудь другой?»

- Другого никого нет. Есть трудящиеся массы, и хозяевами будут они.

- А кто этими хозяевами будет управлять?»

- Никто не будет управлять. Не будет управления. Будет техническое руководство.

- Так сказать, утопия технократического порядка. - сыронизировал я.

- Да, технократическая, но не утопия. Техническая неизбежность. Дворянства у нас нет. Возьмите любой завод и выкиньте к черту партийную головку. Кто останется? Останутся рабочий и инженер. Партийная головка только тем и занимается, что никому не дает ни житья, ни возможности работать. А инженер с рабочим сговариваются всегда. Нужно вышибить партийную головку всю. Вот мы ее и вышибем... Мы ее вышибем, но помещиков не пустим. Хотят работать директорами совхозов, конечно, те, которые это дело знают - пожалуйста, деньги на бочку, власть в руки, действуйте. Если Рябушинский... захочет, пусть работает директором треста. Будет хорошо работать - будем платить сотни тысяч. В золоте.

- А откуда у вас сотни тысяч будут?»

- Будут. Если все будут работать, и никто не будет мешать, будут сотни миллиардов. Вам, И.Л., отдадим всю физкультуру. Действуйте.

- Вы очень сильно злоупотребляете местоимением «мы». Кто это, собственно, эти «мы»?»

- Мы те, кто работает, и те, кто тренируется. Вот, скажем, спортивные организации выбирают вас, и И.Л. действует. И выбирают не на четыре года, как в буржуазных странах, а на двадцать лет, чтобы не было чехарды. А отвечать вы будете только по суду».²²

По воспоминаниям Солоневича, мы можем реконструировать некие базовые идеи технократического дискурса 1930-х годов:

- 1) Власть должна принадлежать профессионалам — каждому в своей области.
- 2) Избираемость власти сама по себе не отрицается, но «буржуазная» демократия оценивается как хаос и чехарда.
- 3) В экономике государство должно, в любом случае, сохранять ведущие позиции.
- 4) Частная собственность и рыночная экономика допустимы, но в качестве своего рода вспомогательной экономической силы.

Несложно заметить, что по сути своей это концепт большевицкого Нэпа, но с одним важным отличием: в нем отсутствует коммунистическая партия как ядро политической системы, и коммунистическая идеология как мировоззренческая система координат.

Влияние этих идей сравнительно легко прослеживается в среде советской интеллигенции — как среди тех, кто открыто выступил против коммунистического

²² Солоневич И., Указ. сочин.

режима, так и среди советских «лоялистов».

Ярким примером первого является программа Народно-трудового союза (солидаристов) 1946 года, который во многом опирался на эмигрантов из СССР времен Второй Мировой войны, то есть той самой советской молодежи и интеллигенции, порвавшей с коммунизмом, которых в первой половине 1930-х годов наблюдал Солоневич. Программные установки НТС 1946 года, включающие идеи «надпартийности», «национальной солидарности», «трудовой собственности» и, конечно же, «направляемого хозяйства», очень характерны:

«В отличие от социалистического планирования, государственное планирование при системе направляемого хозяйства является лишь средством согласования хозяйственной политики государства с хозяйственной деятельностью свободно развивающихся общественного и частного секторов народного хозяйства.

Предоставляя свободу хозяйственной инициативе, системе направляемого хозяйства, в то же время, устраняет возможность анархии производства, периодических кризисов и всего того, что ведет к дезорганизации народного хозяйства, безработице и ухудшению положения трудового населения.

Осуществляя направляющее воздействие на народное хозяйство страны, государство преследует выполнение реального, продуманного плана, причем проявляет необходимую гибкость, соотносясь с условиями обстановки... Крупнейшим направляющим и регулирующим фактором во всех областях хозяйственной деятельности является использование ресурсов и производственной мощи государственного сектора народного хозяйства, противопоставляемого, в случае необходимости, общественному и частному секторам».²³

Что же касается развития концепта технократии внутри СССР, в кругах, в целом лояльных советской системе, то здесь одним из самых ярких примеров является так называемая школа методологов Георгия Щедровицкого. Примечательно, что ряд видных управленцев путинской эпохи считаются ее воспитанниками, и даже концепт «русского мира» может рассматриваться как производная от идей «методологов».²⁴ В истории этой группы много белых пятен, но, однако, есть ясное свидетельство о том, что они так или иначе осознавали свое преемство от технократов 1920-30-х годов. В лекциях по курсу «Организация, руководство, управление» (ОРУ), прочитанных Г. Щедровицким, по версии его последователей, в 1981 году для работников министерства энергетики, эта преемственность описана настолько откровенно, насколько это было в принципе возможно в советских реалиях:

«И вот когда это все сплелось, то на рубеже XIX и XX веков был остро поставлен вопрос о профессионализме: можно ли руководить, управлять предприятием, не зная или почти не зная

²³ Программа НТС 1946 года. Часть третья: народное хозяйство». <http://ntsrs.ru/content/glava-22-ekonomicheskaya-politika-gosudarstva> [Проверено 10 июля 2024]

²⁴ Перцев Андрей, «Станцему вальс большой войны. «Медуза» рассказывает историю «методологов» — загадочного движения, которое сформулировало идею «русского мира» (а чем это закончилось, известно)». <https://meduza.io/feature/2022/06/09/stantsuem-vals-bolshoy-voyny> [Проверено 10 июля 2024]

существова тех технологий, которые там развертываются?... И так получилось, что в России эти проблемы обсуждались раньше, чем во всех других странах. Происходило это, как я уже сказал, в конце XIX - начале XX веков. Готовилась революция, и теоретики революции обратили внимание на эти проблемы. Незадолго до революции появилась передовая работа, значимая до сих пор, - это работа Богданова-Малиновского «Технология. Всеобщая организационная наука». У Богданова вообще очень интересный путь. Он принадлежал к сподвижникам Ленина, потом вступил с Лениным в конфликт, но при этом они сохраняли очень хорошие личные отношения... Богданов положил в нашей стране начало огромному направлению в научной организации труда. В 1920 г. был создан знаменитый Центральный институт труда... И вообще у него было много учеников, которые начали развивать это направление: у нас в стране создаются академии организации и управления и делается попытка сделать эту область профессионализированной. Для мира в целом это было тогда самое передовое движение... Но смотрите теперь, какая здесь возникает коллизия. Это направление сталкивается со многими нашими тогда очень важными идеологическими установками. В конце 20-х и в 30-е годы существовала точка зрения, что мы нигде не должны допускать жесткой профессионализации. Любое закрепление профессиональной позиции человека, по Марксу, ведет к соответствующим классовым или стратовым различиям. Следовательно, люди в стране социализма должны быть практически депрофессионализированными».²⁵

Александр Богданов-Малиновский действительно может считаться одним из первых российских исследователей и теоретиков технократии. Интересно, что некоторыми современными левыми он рассматривается как «неленинский большевик», который, хотя и был коммунистом, но в некоторых вопросах оппонировал Ленину, а технократическое управление рассматривал как неизбежный переходный этап на пути к анархической демократии, своего рода малое и временное зло.²⁶ Отсылка к богдановскому наследию и даже неявное оппонирование Марксу — это максимум откровенности, которую мог себе позволить идейный советский технократ, да еще и в присутствии советских чиновников, чтобы обозначить свои истинные воззрения.

Все эти факты можно рассматривать как достаточное свидетельство того, что описанные И. Солоневичем идеи продолжали бытовать среди представителей советской интеллигенции, и даже получили определенное развитие, пусть и весьма специфическое. В целом, советская технократия — это даже не идеология, а мировоззрение и мироощущение, которое закономерным образом формируется у относительно развитых в интеллектуальном и культурном отношении людей в условиях коммунистического тоталитаризма, без возможности нормального умственного развития.

И как только официальная марксистско-ленинская фикция начинает отмирать, на смену ей приходит технократия.

Нео-Нэп Горбачева и Ельцина: четвертый этап деидеологизации советской системы

Еще в 1960-е Василий Шульгин писал о том, что Советский Союз ждет Нео-Нэп и Нео-Брест. Причина — в неспособности коммунистической системы эффективно состязаться с миром свободной политической и экономической конкуренции. Каждый этап конфронтации завершается отступлением во всех сферах — в экономике, политике, культуре и, наконец, ведет к утрате территорий.²⁷ Первый раз это случилось при Ленине. Второй раз реализовывать сей сценарий пришлось Горбачеву и Ельцину.

Тут важно помнить, что и первый, и второй оказались на гребне объективного социально-политического процесса, изменить в котором могли не слишком много. При этом их собственный идейный и культурный горизонт был ограничен. И Горбачев, и Ельцин отнюдь не собирались уничтожить Советский Союз, но хотели его «обновить». Ельцинская борьба за суверенитет изначально рассматривалась лишь как способ забрать у «центра» часть рычагов и ресурсов, и не более того. При этом Горбачев до самого конца держался за «социалистический выбор», а Ельцин переквалифицировался в демократы ровно в тот момент, когда понял, что это даст ему поддержку и внутри страны, и за рубежом.

Перестроечный Нео-Нэп неизбежно породил конфликт между генсеком и партийными управленцами, увидевшими здесь (как и в первом Нэпе) угрозу своему статусу и своим перспективам. Тогда же происходит смещение реального центра власти из партийных органов в советские, и появляется фигура «крепкого хозяйственника»: воплощенный идеал технократии, то есть человек, который занимается «делом», а не «болтовней».

Падение Горбачева было обусловлено тем, что для аппарата власти он стал во многом чужим, а то и врагом: инициировал пусть и мягкие, но все же чистки в КПСС, согласился с постепенной сдачей партийной монополии в политике, экономике и госуправлении. Для армии и КГБ он превратился в «тряпку», потому что не решился навести «порядок» силой. А в тех случаях, когда решался, скидывал потом всю ответственность на «стрелочников». (Что в свое время много раз делал Сталин, но об этом советским «офицерам» ни в школе, ни в училище не говорили.)

Ельцин на его фоне выглядел как будто революционным и даже антикоммунистическим деятелем. Однако при более внимательном изучении

²⁵ Щедровицкий Г.П., «Организация, руководство, управление». Электронная версия: 2009. С. 6-7.

²⁶ Bogdanov, technocracy and socialism. Socialist Standard. 2007 April. <https://web.archive.org/web/201110927014144/http://www.worldsocialism.org/spgb/apr07/page10.html> [Проверено 10 июля 2024]

²⁷ Информация об этих работах В. Шульгина была обнаружена его другом и секретарем Н. Брауном (частично опубликована, частично — получена автором этой статьи в ходе личного общения). В 1969 году Н. Браун был арестован, все его личные бумаги изъяли, включая и оригиналы соответствующих произведений В. Шульгина. Возможно, они до сих пор хранятся в архивах КГБ-ФСБ в Санкт-Петербурге.

ситуации мы видим, что значительная часть аппарата власти — наиболее способная, предприимчивая и молодая — к 1991 году, то есть к тому времени, когда Ельцин набрал силу, уже перековалась из партийных деятелей в советские и даже демократические. Серьезной угрозой для них могла бы быть только люстрация, но именно ее Ельцин заблокировал. Как результат, по подсчетам Волкова, получилась следующая картина:

«...На весну 1993 года (до первых выборов глав администраций и до уступок Ельцина оппозиции в отношении состава правительства), обнаруживается, что среди двух сотен человек, управлявших страной на момент «фасцета демократии» (верхушка президентского аппарата, члены Президентского Совета, правительства, «губернаторы» и главы заксобраний «субъектов федерации») три четверти (75%) были представителями старой коммунистической номенклатуры, а коммунистами были 9 из 10 (90%). Впоследствии «номенклатурность» высшей власти еще усилилась (вплоть до того, что до десятка областей возглавляли не просто представители номенклатуры, а даже именно первые секретари тех же самых обкомов КПСС). Если же посмотреть на состав руководства «силовых структур», дипломатического корпуса, прокуратуры и других государственных органов, то тут никаких изменений вообще не произошло: никаких новых людей, не принадлежавших к кадрам этих структур и раньше, там за единичными исключениями не появилось. Неизменным остался состав научной и культурной элит ...Социальные характеристики даже более широкого круга «постсоветской» верхушки принципиально не отличаются от последнего поколения советской. Изменения, которые имели место — чисто «эволюционные» и являются выражением и продолжением той тенденции, которая прослеживается с послевоенного времени: примерно такой советская верхушка и была бы, не случись «августовской революции» 1991 г. Дело, собственно, в том и состоит, что в 1917 г. революция была, а в 1991 ее не было».²⁸

Ельцину удалось сохранить, пусть и потрепанный, но прежний — советский — аппарат власти, и заручиться поддержкой силовиков. Несмотря на то, что параллель эта выглядит зыбкой, нельзя не заметить, что успех Ельцина, также как успех Сталина, обусловлен тем, что оба они сумели в критический момент получить поддержку большинства аппаратчиков.

Все это сделало неизбежным формирование неосоветской системы: после того, как советский аппарат власти оказался в чуждой ему социально-экономической среде, он неизбежно должен был начать борьбу за то, чтобы сделать эту среду, так сказать, приемлемой.

Первым этапом здесь стала ликвидация политической конкуренции: разгром Верховного Совета в 1993 году и создание суперпрезидентской системы — фундамента новой диктатуры.

Следующий шаг — выдавливание из реальной власти действительных и мнимых реформаторов, постепенной усиление старых номенклатурных кадров, а

²⁸ Волков, Сергей. «Советский истеблишмент». <http://swolkov.org/sov/05.htm> [Проверено 10 июля 2024]

также спецслужб (вчерашнего КГБ).

Третий шаг — это «операция преемник» (продвижение Владимира Путина в президенты РФ в 1999-2000 годах). Институт выборов открыто сводится к бонапартистскому плебисциту, когда народ должен лишь «одобрить» решение о передаче власти, принятое в верхах.

Следующая стадия включала уже полномасштабную трансформацию политической и экономической системы по образцу сталинских «народных демократий»: создание единой и «направляющей» партии власти, постепенное огосударствление экономики, сворачивание остаточных демократических институтов и, конечно, планомерное развитие авторитарного начала.

Затяжной идеологический кризис неосоветизма

Четвертый этап деидеологизации, или горбачевско-ельцинский Нео-Нэп, стал весьма своеобразным торжеством советской интеллигенции. Именно вырвавшаяся в ее недрах идея технократии — власти профессионалов, которым не мешает демократический «хаос» — стала в РФ господствующей. (Причем в случае с теми же методологами Щедровицкого мы видим прямое наследование технократических идей и установок, формировавшихся начиная с 1920-х годов.) Именно технократия является точкой отсчета для всех политических конструктов, которые порождались неосоветской властью, начиная от суверенной демократии по Павловскому и Суркову, и заканчивая конституционными поправками 2020 года. Или, иначе, неосоветизм есть новый эволюционный этап развития советского строя, когда аппарат власти открыто отказывается от марксистско-ленинской идеологической фикции и берет на вооружение идею технократического руководства.

Вначале это кажется идеальным решением и, вероятно, этим отчасти объясняется союз советских либералов и советских аппаратчиков в 1990-х и в начале 2000-х. Но после того, как период нефтяного изобилия завершился финансовым кризисом 2008-го года, выявилась очевидная брешь этой модели.

Притягательность технократии заключается в том, что она презентует себя как максимально эффективная, максимально успешная, власть. Как только исчезает не только успех, но даже намек на него, технократическая мечта оборачивается проклятием. Аппаратной корпорации становятся остро необходимы новые источники легитимности — и показательно, что их судорожный поиск начинается примерно в то же время, когда в РФ начинает мелеть поток нефтегазовых сверхприбылей. Тогда же (в 2008 году в Грузии) стартует разморозка старых конфликтов, дабы упредить любые либеральные поползновения и резко поднять значимость и влияние силового крыла.

В идеологической сфере это объективно привело к тому, что аппарат власти интуитивно начал формировать новую идеологическую фикцию. Причем этот

процесс изначально содержал очень серьезные противоречия. С одной стороны, наиболее подходящей, так сказать, природной средой обитания для него является сталинский социализм. (И недавнее заявление министра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики Алексея Чекунова о необходимости отказа от рыночной системы и перехода к «патриотическому социализму», в этом отношении, показательны.²⁹) С другой стороны, этот же аппарат хочет сохранить безопасность, все свои социальные и материальные приобретения, и ему явно не хочется играть в «равенство и братство».

Вполне логично, что идейные искания должны идти в направлении устряловского национал-большевизма, то есть некоего синтеза фашистской и коммунистической идеологии. «Вообще» это уже практически официально признано.³⁰ Но вот в «частности» получается крайне плохо: разработать мысль Устрялова до уровня более-менее стройной и подробной теоретической системы пока что не удалось. Дальше всех в этом направлении продвинулся Мединский со своими учебниками, но и он сумел сформулировать национал-большевицкий концепт лишь на уровне мифологических рассуждений про «хороших» нас и «плохих» их.

И, с учетом того, что процесс выработки полноценной идеологии национал-большевизма в сегодняшней РФ явственно затянулся, можно предположить, что эта задача в принципе нерешаема, и все так и останется на уровне мифов и «разговоров о важном». Впрочем, даже в таком состоянии неосоветский режим может сохраняться еще достаточно продолжительное время. При этом идеологический кризис, как и любой вообще кризис в рамках этой системы, может провоцировать рост агрессии вовне и эскалацию террора внутри страны. Как и во времена Брежнева, абстрактный патриотизм и образ внешнего врага являются наиболее надежной опоркой легитимности кремлевских обитателей. И динамика, начиная с 2008 года, показывает, что это средство используется все более активно.

Или, иначе, советский и неосоветский аппарат власти в конечном счете приходит к тому единственному средству управления и развития, которое ему понятно и под которое он и создавался — к агрессии и террору. Принципиальных изменений, со времен военного коммунизма, здесь не произошло, и если в современной РФ что-то и можно назвать традиционной ценностью — то именно это.

ИСТОЧНИКИ:

29 В правительстве предложили построить в России «патриотический социализм» вместо рыночной экономики. "The Moscow Times": <https://www.moscowtimes.ru/2024/06/17/v-pravitelstve-predlozhili-postroit-v-rossii-patrioticheskii-sotsializm-vmesto-rinocnoi-ekonomiki-a134164> [Проверено 10 июля 2024]

30 См., например: Саввин Дмитрий, «Сокровенное сказание совков». «Харбин»: <https://harbin.lv/sokrovennoe-skazanie-sovkov> [Проверено 10 июля 2024]

1. Программа Российской коммунистической партии (большевиков). 1919 год.
2. Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961 г.
3. Программа НТС 1946 года. Часть третья: народное хозяйство».

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Троцкий Лев, «Рабочее государство, термидор и бонапартизм»
2. Троцкий Лев, «О термидорианстве и бонапартизме»
3. Троцкий Лев, «Сталинизм и большевизм»
4. Ульянов (Ленин) Владимир, «Государство и революция»
5. Ульянов (Ленин) Владимир, «Как нам реорганизовать Рабкрин?»
6. Ульянов (Ленин) Владимир, «Лучше меньше, да лучше»
7. Джугашвили (Сталин) Иосиф. «Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г.
8. Маркс Карл, Энгельс Фридрих, «Манифест коммунистической партии»
9. Авторханов Абдурахман, «Технология власти». «Посев»: Франкфурт-на-Майне. 1983.
10. Редлих Роман, «Очерки большевизмоведения». Париж: 1970.
11. Волков, Сергей. «Советский истецблищмент».
12. Щедровицкий Г.П., «Организация, руководство, управление». Электронная версия: 2009.
13. Бухаренкова Ольга, «Государственная политика по ликвидации безработицы в годы НЭПа». Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: 2008.
14. Солоневич Иван, «Россия в концлагере».
15. Черняев Анатолий, «Совместный исход : Дневник двух эпох, 1972-1991 годы». Москва: РОССПЭН, 2010.
16. Чуковский Корней, «Дневник. 1930-1969». Москва: Современный писатель, 1994.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ:

1. Bogdanov, technocracy and socialism. Socialist Standard. 2007 April.
2. Dmitrijs Savvins, «*Neopadomju revanšisma ideoloģija un politika / Ideology and Politics of Neo-Soviet Revanchism*». *Karš, ideoloģija un vara: Krievijas ekspansija Eiropā vēstures gaitā*
3. «О хрущевском псевдокоммунизме и его всемирно-историческом уроке». Редакция газеты «Жэнминь жибао», 14 июля 1964 года.

4. Перцев Андрей, «Станцуем вальс большой войны. «Медуза» рассказывает историю «методологов» — загадочного движения, которое сформулировало идею «русского мира» (а чем это закончилось, известно)». «Медуза»
5. В правительстве предложили построить в России «патриотический социализм» вместо рыночной экономики. “The Moscow Times”
6. Гогун Александр, «Термоядерная революция. Как Сталин мечтал о Третьей мировой войне».
7. Солоневич И., «Отец по наследству». «Наша страна», №172 от 2 мая 1953 г.
8. Саввин Дмитрий, «Сокровенное сказание совков». «Харбин»

Recenzje, omówienia i polemiki